

Я люблю утром, когда не спится, бродить по городу, но так, чтобы рядом никого не было. Когда все еще спят и легкий туман вокруг, чтобы тепло и сыро, чтобы весной пахло.

В такие минуты все другое: дома, улицы, деревья. Да что там деревья! Воздух, воздух совсем другой. А главное — нет людей, и тогда кажется, что мой старый город

дышит, точнее, отдыхает от надоедливых, «грязных», «жирных, как мазутное пятно», все разрушающих людей. Живет своей настоящей жизнью, скрытой от других.

Что еще люблю? Люблю, когда в храме на утренней службе все вместе поют «Отче наш» и «Символ Веры». В такие минуты ощущаешь дух единства, пони-

Люблю утром...

маешь, что все мы — одна большая семья. И где-то внутри себя чувствуешь собственную причастность к чему-то очень древнему и чистому. Люблю смотреть, как причащают, как проходит само причастие. Все замирает в этот момент. Есть в этом что-то мистическое, чело-вечное и непонятное. Смотришь, и становится немного обидно и страшно... От того, что причащают не тебя, от того, что не ты сопричастен с тайной в этот момент, от того, что вдруг больше не придется увидеть это, что не успею причаститься тогда, когда захочу. Поздно будет. Люблю еще, когда в пасхальную ночь после литургии и освящения идешь домой, а над головой льется звон колоколов, лавиной заполняя все твое естество. Все внутри разрывается от радости и слез. Хочется всем тогда сказать: «Христос Воскресе!» И совершенно все равно, кому. Потому что это радость великая. Еще люблю, когда все трижды целуются.

Пасха в соборе

Вот он — русский дух!

Люблю, когда мы все вместе — мама, папа, бабушка, сестра — собираемся за столом. Когда кто-то заходит просто так — вспомнил, что давно не был, и зашел. И мама, от чистого сердца, по доброте душевной, угощает гостя чаем и бутербродами, да еще и с собой на дорожку даст — детей порадовать или жену угостить.

Вся семья

Люблю, когда к нам в гости забредают старые друзья и интересные люди. Люблю, когда они, сидя с нами за столом, выпивают, закусывают, пьют чай с чем-нибудь

Мама и папа

вкусу, говорят об истории, о книгах, литературе, музыке. И тогда все вспоминают былые времена, говорят о культуре тогдашней и нынешней, достают фотографии, слайды, вспоминают, что еще с кем-то три тысячи лет не виделись и что непременно нужно будет зайти или встретиться, ну или хотя бы позвонить, узнать, как они там поживают. А еще лучше собраться как-нибудь. Но когда, когда?

Люблю, когда смеется бабушка. Значит, у нее все хорошо, значит, ничего не болит. Я ее очень люблю. Она — часть меня. Она — моя память. Мое детство, история нашего рода и семьи. Не очень счастливая история, но все-таки наша. Она — как старинные, довоенные улицы моего города, по которым я тоже очень люблю бродить и представлять, что вот так же, как и я, по ним когда-то, лет сто назад, бродил какой-нибудь гимназист или студент, о чем-то думал, мечтал. И мне ужасно хочется встретиться с ним, узнать, как сложилась его судьба. Не встречусь, знаю, но ужасно хочется...

Люблю весну. Когда все тает и в воздухе пахнет жизнью — все говорят, что пахнет весной. Люблю смотреть на людей, попавших под дождь, но только летний и теплый. Они радуются и ворчат одновременно. Под

Улица старого города

дождем все становятся естественными, как дети. Есть только они и дождь — в этот момент их ничего больше не интересует, главное — убежать от дождя.

Люблю, лежа на лугу, смотреть на солнце и облака. Люблю заливные луга, простор и жаркий полдень, когда время застывает и плавится в воздухе. Люблю ходить босиком по траве во время разлива — по лугу с травинкой в зубах, и вода чавкает у тебя между пальцами. И вообще, люблю, когда люди босиком ходят.

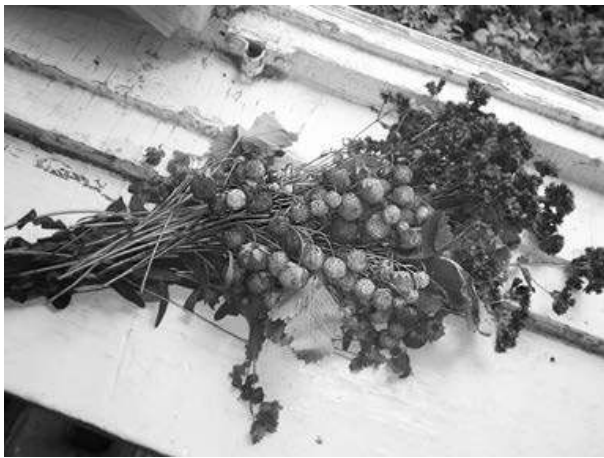
Аист

Люблю смотреть на травы и на протоптанные через них тропинки. Люблю птицу аиста. Люблю смотреть на нее, как она ходит, летает. Ее, так же как и космос, невозможно понять, ее можно только прочувствовать сердцем. Для меня это мистическая птица. Чистая, свободная, благородная.

Люблю своего отца. По характеру он очень тяжелый человек, а на самом деле — большой чудак. Ведь это он привил мне любовь к лугам, ветру и озерам. Ну вот скажите мне, кто еще может выйти на луг и сказать: «Здравствуй, луг!»? Кто еще будет спасать всяких букашек, червячков, мошек, паучков и бабочек? Радоваться тому, как щебечут зяблики, и мечтать о море? Только мой папа. Кто, как не он, будет помогать

Бабушка

человеку, не ища для себя никакой выгоды, а только лишь потому, что его попросили, и потом, получив очередной щелчок от жизни, осознавать, что не прав, злиться от того, что не прав, но не признавать своей неправоты. И на вопрос мамы: «Зачем ты связывался с ними?» — ответить: «Меня же попросили! Я привык помогать людям...» В этой фразе всё — просто привык помогать людям!

Люблю великий праздник — День Победы. Если Пасха — праздник души, то День Победы — праздник силы духа и воли. Ведь выстояли, смогли, победили, да еще и других спасали, хотя голые и босые были и от холода умирали. Когда ветеранов вижу, плакать хочу. Это они мне жизнь подарили в первый раз, а потом только мама. Не победили они тогда, в сорок пятом, никого из нас не было бы сейчас. Плакать хочется оттого, что никто из них не хотел убивать, уходить из дома, хоронить, а пришлось — заставили. Еще оттого, что они хотели жить, влюбляться, растить детей, но ничего этого у них не было. Чем я могу их отблагодарить за все, что они сделали? Ничем. Просто жить и радоваться жизни, это будет лучшей им наградой. И помнить. Если я счастлив буду и все у меня сложится, значит, не зря умирали они, кровь проливали свою. Если у меня все в жизни будет хорошо, значит, и дед мой, летчик морской авиации Петр Сергеевич Иванов, не зря воевал. Пускай не здесь, а далеко, на Дальнем Востоке, но не зря. Значит, кого-то на Дальнем Востоке счастливым сделал. Уже за одно это его и всех тех, кто встал на ту войну, надо там, на небе, простить.

Смотрю я на них в День Победы и чувствую вину свою перед ними. Это я должен был там, в окопах, сидеть, а не здесь, сытый и довольный, по проспектам разгуливать. Это я должен был выносить детей из горящих домов и выводить людей из Освенцима и Бухенвальда. Это я должен был спиной к спине с другими, глотая пыль битого кирпича и задыхаясь от дыма, полуголодный, брать Рейхстаг... Но по-другому все вышло, я жи-

вой и здоровый. Простите меня, мои старики. Для меня любой из вас, кто ушел на ту войну, уже герой, уже Человек без национальности и социального положения. Человек, и всё. Совесть вы наша. Если забудем, то всё, конец нам: приходите, кто хочет, и берите нас голыми руками. Сказав спасибо вам, ничего не скажу. Словами всего не передашь. Вы — часть моего сердца...

Еще люблю первый снег. Люблю снежную и морозную зиму. Идешь, ежишься от холода, мороз щиплет за нос и щеки, а под ногами... снег скрипит. При этом чтобы обязательно солнце было и небо чистое, голубое, а дома чай ждал с вареньем и булкой, и тепло. Люблю, когда сугробы большие и иней на деревьях. Когда

Мой дедушка

на Рождество мы запекаем мясо и достаем старые семейные салфетки, сделанные руками моей прабабушки, бережно разглаживаем, крахмалим и укладываем на рождественский стол. Люблю это ощущение, когда в нашей квартире незримо оживают все наши предки. И прабабушка Вера, Надя, Галя. Я их не вижу, но чувствую, потому что вещи старые достали, потому что тепло стало на душе. Жалею, что не видел их вживую, только на фотографиях, что прадеда моего, деда Мишу, не застал. Говорят, он большой добряк был, ветеринарным врачом работал. Так хочется всех их обнять, увидеть, поговорить, в глаза заглянуть, своими рука-

Вид на старый Чернигов

ми к лицам их прикоснуться, голос их услышать, но... Люблю, когда они с нами «за стол садятся», потому что Рождество — семейный праздник, домашний, теплый, душевный и человечный. В каждой старой вещи, будь то открытка, сделанная своими руками, или салфетка, связанная крючком моей прабабушки, или старые письма моего прадеда, — душа моих предков, история рода моего. А душа, как известно, не умирает, значит, и для меня они не умерли, а здесь, с нами, за столом. И все мы по-прежнему одна семья — и те, кто здесь, и те, кто там...

Люблю бабье лето. Когда в воздухе летают паутинки, а на них маленькие паучки. И ведь никто не знает, откуда они взялись, куда летят. Вокруг суета сует, быт заедает, а воздух прозрачный, теплый, и летают и искрят на солнце паутинки. Не это ли главное, а не быт? Не это ли чудо? Люблю, когда запускаешь руки в карманы осеннего пальто, а там каштаны — еще с прошлого года остались. Сразу как-то тепло становится. Вспоминаешь прошедший год, все, что было хорошего и не очень, и, конечно же, думаешь, как они здесь, в темноте, среди моли и пыли, провели целый год.

Люблю свою маму. Люблю ее василькового цвета глаза. Цветок незабудка — это ее цветок! Такой же, как ее душа, небесно-голубого цвета, нежного, чистого.

Отец каждый раз, когда едет на луг, всегда привозит незабудки и дарит их маме, и они стоят у нас в большой комнате в маленькой вазочке, под старинными семейными часами. Сказать «люблю» — значит ничего не сказать. Разве можно любить свою душу? Разве можно любить часть себя? Вот и я тоже так думаю — это невозможно! Ты никогда не делишь себя на части: это моя рука, а это мои глаза. Ты воспринимаешь себя таким, какой ты есть, — одним целым. Я никогда не воспринимал маму как что-то отдельное от меня. Она — часть меня! Она — моя душа, мое сердце, моя Вселенная. Моя бесконечность. В ней все. Она — это больше, чем я.

Моя сестра — это неизвестная мне тегга incognita. Я никогда не понимал, откуда у человека берется столько энергии и напора там, где нужно остановиться, оглядеться и подумать. Возможно, поэтому жизнь ее не очень-то радовала, но была со всех боков, оставляя такие шишки и синяки, что другой бы на ее месте, давно уже потеряв веру в людей, озлобился на всех и вся. А она, несмотря ни на что, верила, надеялась и продолжала любить. И как только «заживали колени и локти», она снова и снова начинала жить. Каждый раз — с самого начала. Она как птица с подбитыми крыльями, которая пытается лететь. За это многое там,

Сестра

на небесах, прощается и, конечно же, за это воздается сполна. Я знаю, я верю!

Говорят, что слепая, неосознанная вера — плохо. Возможно, но только не в случае с моей сестрой. Люблю ее за то, чего у меня никогда не было и не будет, — за силу жить, любить, верить, надеяться, прощать несмотря ни на что. Я знаю немного людей, способных на такое же.

Улица старого города

Лети, Птаха! Я хочу, чтобы ты летала, я хочу, чтобы ты была счастлива!

Еще люблю, когда в моем городе пахнет сдобой. Есть в нем такое место, где и зимой, и летом в любую погоду в воздухе витает запах свежего хлеба. Идешь по улице, почуял этот запах — и на душе сразу тепло и уютно становится. Как-то по-детски представляешь себе маленьких человечков в белых колпаках, которые пыхтят, суетятся, просеивают муку, добавляют ваниль, изюм, курагу в тесто, чтобы успеть к утру выпечь хлеб и сдобные кренделя. Чтобы кто-то, взяв утром в руки горячий, свежий хлеб и разломив его, подумал, что ничего прекраснее и радостнее он еще не испытывал в жизни, чем просто вдыхать запах горячего хлеба. Наслаждаться смехом своих детей и

Чернигов

внуков, когда все они соберутся субботним утром за столом и после хорошего завтрака, конечно же, будут пить крепкий, душистый, сладкий, черный чай со свежим хлебом, намазанным маслом, или со сдобной булкой с вареньем.

И, глядя на все это, поблагодарит он Господа за то, что, несмотря ни на какие витиеватые повороты его жизни, он все еще радуется летним утром — восходу солнца. В знойный июльский день — полету стрекозы, а зимой — хрусткому морозному воздуху и чистому искрящемуся снегу. Поблагодарит за запах свежего хлеба.

Так пахнет мой город! Так пахнут его улицы! Так пахнет уют...

г. Чернигов

